

Ю.А. Ландер
(Институт востоковедения РАН, Москва)

Русский разговорный субъектный результатив*

Согласно принятой точке зрения, в русском языке отсутствует специальная морфология для выражения субъектного результатива. Действительно, в литературном русском система выражения состояния, наступившего в результате какого-то действия – т.е. собственно результатива – обнаруживает явную асимметрию: в то время, как существует специальная форма (*н/т*-причастия типа *заляпан* или *сколот*), указывающие на наступившее состояние объекта (и лишь окказионально субъекта) действия, аналогичные формы для обозначения состояния субъекта действия отсутствуют. В северо-западных диалектах для этого используются специальные «причастия», оформленные суффиксом *-ши* и его алломорфами, но и эти формы не ограничены в употреблении субъектным результативом (см., например, [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1983]).

Однако, помимо литературного языка и диалектов, существует еще и русский разговорный язык (РРЯ)¹, в котором, оказывается, существует специальная субъектно-результативная морфологическая модель, связанная с оформлением глагольной основы сегментом *-миши*. Пример употребления субъектно-результативной формы дан в (1):

(1) *Я опасуюсь – вдруг опять че-нибудь сморозишь не спамиши.*

Как раз подобных образований, именуемых в дальнейшем «формами на *-миши*», и касаются приводимые ниже наблюдения. Настоящие заметки носят в значительной степени предварительный характер. Отчасти это связано с тем, что регулярно результативные формы на *-миши* в РРЯ употребляются лишь с небольшим количеством глагольных основ (ср. формы *вытимши*, а также *подвытимши*, *жрамиши* и *емиши*, *спамиши* и *выспамишись* и некоторые другие). В то же время, поскольку данная категория в РРЯ находится еще только на этапе становления, продуктивность форм на *-миши* варьирует от одного носителя русского языка к другому – и точно так же можно ожидать, что будут варьировать и некоторые их свойства.

1. В.П. Недялков и С.Е. Яхонтов [1983: 7] определяют результатив следующим образом: «Результативом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие». Субъектный результатив называет состояние субъекта предшествующего действия и при этом образуется главным образом от непереходных глаголов (и противопоставляется по этому признаку т.н. «посессивному» результативу).

В целом, формы на *-миши* удовлетворяют этим определениям. Действительно, например, *вытимши*, очевидно, указывает не на действие

---

* Автор признателен А.В. Дыбо, Т.А. Майсаку и В.А. Плунгяну за обсуждение рассматриваемых форм (что, конечно, не снимает с него ответственности за ошибки), а также Анне Константиновне Поливановой за результатив.

¹ Под РРЯ здесь – в соответствии с данным Е.А. Земской [1970] определением «разговорной речи» – понимается система, основанная на «непринужденной речи носителей [русского] литературного языка».

ВЫПИТЬ, но на состояние, наступившее в результате такого действия. С другой стороны, в отличие от классического результатива, интересующие нас формы имеются и у некоторых глаголов, обозначающих процессы и даже состояния. Согласно Недялкову и Яхонтову [1983: 11], в таких случаях «денотативное значение» результативной формы должно совпадать с исходным глаголом. Для наших форм это, как кажется, по крайней мере отчасти неверно. Так, *спамши* означает, что субъект выспался, но не то, что он спит. Сложнее обстоит дело с формами типа *знамши* или *ведамши*, хотя как кажется, и их употребления связаны с результативной семантикой: например, *Я сделал это не знамши*, скорее всего, должно интерпретироваться 'Я сделал это по причине незнания', т.е. идея наличия результата здесь все-таки имеется. Впрочем, этот вопрос, вероятно, требует обсуждения более детального, чем то, что может быть дано здесь.

(Интересно, что формы на *-мши*, образованные от неопределенных глаголов, указывающих на состояния или процессы, как правило, обнаруживают тенденцию к тому, чтобы употребляться почти исключительно в сочетании с отрицательной проклитикой *не*; ср., например, (1) и сомнительное ^{??}*Я спамши*. Впрочем, в некоторых вопросительных предложениях (где полярность, очевидно, нейтрализуется) вероятность употребления указанных форм повышается – автору приходилось слышать вопросы типа *Ты спамши?*)

Как уже говорилось выше, к субъектному результату предъявляется требование, чтобы он образовывался от непереходных глаголов. Для разговорных форм на *-мши* это более или менее верно, поскольку они образуются, в первую очередь, от непереходных глаголов или, по крайней мере, от глаголов, которые могут употребляться как непереходные. Правда, порою встречаются и предложения типа *Я поемши картошки*, но здесь прямое дополнение оформляется маркированным родительным падежом (ср. ненормальность ^{??}*Я поемши картошку*), что естественно трактовать как свидетельство понижения транзитивности соответствующих предикатов (см. аналогичные примеры в [Norper, Thompson 1980]). Таким образом, и здесь формы на *-мши* не слишком отдаляются от прототипа субъектного результата.

2. Синтаксис форм на *-мши* не однороден: они могут выступать как в качестве сказуемых (ср. *...замерз, как собака, бедный, больной, не жрамши с утра* из текста «Этика митьков», в большой степени построенного на РРЯ), так и в роли вершин «квази-обстоятельственных» предикаций (*Пришли сюда не жрамши, не пимши*). Под «квази-обстоятельственным» использованием здесь понимается употребление в функции, которая в [Кузьмина, Немченко 1971] именуется функцией «предикативного атрибута», а в типологической литературе (см., например, [Nichols 1978; Schultze-Berndt, Himmelmann, forthc.]) часто называется «вторичной предикацией» (вроде *Он пришел домой усталый*) – здесь речь идет не о характеристике всей ситуации, а о спецификации какого-то ее участника.

В итоге, поведение субъектно-результативных форм в РРЯ соответствует скорее неатрибутивным употреблениям прилагательных и причастий, нежели поведению деепричастий (ср., например, невозможность **Я сходит*). Более того, в отличие от обычных деепричастий семантический субъект форм на *-мши* даже не обязан совпадать с подлежащим главной предикации (ср. *Я повстречал его выпимши*, где форма на *-мши* может относиться как к субъекту, так и к объекту,

и [?]*Я повстречал его выпивши*, где деепричастие объект характеризовать не может). Впрочем, если (несказуемое) синтаксическое поведение форм на *-вши* – это лишь частный случай «вторичной предикации», этот факт не должен вызывать удивления: «вторичная предикация», специфицирующая объект действия, выражаемого главным сказуемым в русском языке разрешается (см. примеры в [Nichols 1978]).

3. Полезно сравнить употребление форм на *-вши* в РРЯ с их ближайшими родственниками, формами на *-вши* (типа *сказавши*)².

Прежде всего, в отличие от форм на *-вши*, деепричастия на *-вши*, тяготеют к простому перфективному прочтению³; ср. следующую минимальную пару:

- (2) *Еще выпивши, он отправился домой.*
а. ^{???}‘Будучи все еще пьяным, он отправился домой.’ (РЕЗУЛЬТАТИВ)
б. ‘Выпив еще раз, он отправился домой.’ (ПЕРФЕКТИВ)
- (3) *Еще выпивши, он отправился домой.*
а. ‘Будучи все еще пьяным, он отправился домой.’ (РЕЗУЛЬТАТИВ)
б. *‘Выпив еще раз, он отправился домой.’ (ПЕРФЕКТИВ)

Адвербиал *еще* является полисемичным. С перфективными предикатами это слово указывает на повтор ситуации (как в *Он еще покурил*), а с неперфективными – на то, что ситуация по-прежнему продолжается (ср. *Он еще курит*). Как видно из (2)-(3), данный тест подтверждает сделанный выше вывод об аспектуальной разнице между формами на *-вши* и формами на *-вши*.

С семантическим отличием коррелирует и разница в грамматических характеристиках. Так, например, формы на *-вши* довольно свободно образуются от переходных глаголов и сочетаются с прямыми дополнениями в винительном падеже (хотя употребление родительного падежа здесь также не запрещено); ср. *Выпивши водку, он отправился домой*. Более того, в РРЯ, как и в литературном языке, основное использование форм на *-вши* – обстоятельствоное. Сказуемое употребление этих форм (*Я поевши*), неизбежно приводящее к результативному значению, весьма маркировано, и можно предположить, что в тех редких случаях, когда оно возможно, мы имеем дело с употреблением по аналогии с формами на *-вши* или же с диалектным влиянием⁴.

Итак, оказывается, что в РРЯ формы на *-вши* и на *-вши* в значительной степени противопоставлены друг другу – как семантически, так и синтаксически. Ниже предлагаются некоторые гипотезы касательно возникновения этой оппозиции.

4. С формальной точки зрения, происхождение форм на *-вши* вполне очевидно: в ряде диалектов русского языка именно *-вши*, а не *-вши* используется для образования «перфектных» причастий. Видимо, в

² То, что здесь не говорится о прочих суффиксах, обычно представляемых в качестве алломорфов *-ши* неслучайно; см. ниже.

³ Это, конечно, не значит, что результативное прочтение для деепричастий совершенного вида невозможно вовсе; для такой интерпретации, однако же, необходимы некоторые специальные условия (ср., например, [Акимова, Козинцева 1987: 260 и далее] для литературного русского).

⁴ С типологической точки зрения, однако, в таком употреблении нет ничего уникального: деепричастия могут функционировать как сказуемые в немалом количестве языков, причем подчас такое использование связано как раз с возникновением у формы результативного значения; см. [Калинина 2001: 81].

разговорную речь были заимствованы обе формы, хотя и не без изменений. Так, например, в диалектных причастиях на *-вши* и *-миши*, образованных от возвратных глаголов, возвратный суффикс *-ся*, как правило, опускается. Напротив, в разговорных формах на *-вши* и *-миши* данная морфема сохраняется: *выспавшишься/выспамшишься, обознавшишься/обознамишишься* и т.д.

Результативная функция, присущая формам на *-миши*, тоже, по-видимому, имеет диалектные корни. Хотя соответствующие причастия в диалектах подчас обладают значением акционального перфекта, здесь существует небольшая группа глаголов, от которых с помощью *-миши* и *-вши* образуются почти исключительно результативные формы [Кузьмина, Немченко 1971: 130, 160 и далее]. Список этих форм (приводимых авторами в варианте на *-вши*) в значительной мере соответствует списку субъектно-результативных форм в РРЯ: *вытвивши, евши, обувши, одевши, пивши, разувши, раздевши, спавши* – причем некоторые из них употребляются преимущественно в сочетании с отрицательной частицей. Таким образом, ограничения на образование и употребление форм на *-миши* в РРЯ имеют историческое обоснование.

Тем не менее, в РРЯ диалектная система была во многом переосмыслена:

(i) Во-первых, сфера употребления *-миши* значительно сузилась: в РРЯ – в отличие от диалектов – формы на *-миши* образуются по большей части от глаголов, образующих в диалектах как раз результативные причастия, а формы на *-миши* с перфектным значением постепенно исчезают.

(ii) Во-вторых, в современном РРЯ формы на *-миши* и на *-вши* в основных контекстах оказались функционально противопоставлены, демонстрируя оппозицию между результативом и перфективом.

Подобная «перестройка» аспектуальной системы, вероятно, была вызвана тем, что в результате заимствования диалектных форм в РРЯ в нем стали сосуществовать две синонимичные формы. Поскольку такая ситуация функционально совершенно не оправдана и неэкономична, язык, видимо, попытался противопоставить две формы и с семантической точки зрения.

Можно предположить, что «инициатором» этой перестройки явились формы на *-вши*, которые со временем начинают пониматься в качестве разговорного (или полуразговорного) варианта деепричастий на *-в* (ср. *приехав* и *приехавши*), теряя тем самым способность выражения результативного значения даже в тех контекстах, где ранее это было возможно. Противопоставленные формам на *-вши*, образования на *-миши*, в свою очередь, сохранили исключительно результативную семантику там, где она уже присутствовала, а в остальных контекстах были вытеснены деепричастными формами.

Интересно, что в РРЯ, по-видимому, произошло и переосмысление морфологической структуры причастных образований. Если раньше *-вши*, *-миши* и *-ши* понимались как ареально или морфонологически распределенные алломорфы, то вследствие возникшей в РРЯ оппозиции между деепричастием и результативной формой, появилась возможность противопоставить и сегменты *-м* и *-в*, а *-ши* выделить в качестве отдельной морфемы. Последнему способствовало, вероятно, и отождествление форм на *-вши* с деепричастиями на *-в*, в результате которого новоявленная морфема *-ши*, как кажется, приобрела функцию чисто стилистического маркера разговорного языка (то же, очевидно, касается и противопоставлений типа *придя* vs. *пришедши*). То, что результативные формы без *-ши* в РРЯ не встречаются, высказанной трактовке

не противоречит – ведь сами результативные формы на *-миш* остаются принадлежностью именно разговорной речи.

По-видимому, эти процессы, фактически связанные с изменением системы русской разговорной речи, произошли совсем недавно⁵. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, что специальные формы субъектного результата закрепятся в РРЯ. Тем более важным представляется обратить на них внимание сейчас, когда, возможно, и решается их участь.

Литература

Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. 1987. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука. С. 257-274.

Земская Е.А. 1970. О понятии «разговорная речь» // О.Б. Сиротинина и др. (ред.). Русская разговорная речь. Саратов: Изд. Саратовского университета. С. 3-10.

Калинина Е.Ю. 2001. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН.

Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1971. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука.

Недялков В.П., Яхонтов С.Е. 1983. Типология результативных конструкций // Недялков В.П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука. С. 5-41.

Трубинский В.И. 1983. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Недялков В.П. (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука. С. 216-226.

Hopper P.J., Thompson S.A. 1980. Transitivity in grammar and discourse // Language. Vol. 56. P. 251-299.

Nichols J. 1978. Secondary predicates // Proceedings of the 4th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: BLS. P. 114-127.

Schultze-Berndt E., Himmelmann N.P. Forthc. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective // Linguistic Typology.

---

⁵ На это указывает то, что в ходе проводимого автором опроса многие информанты старшего поколения не отмечали никакой разницы между формами на *-миш* и на *-виш* кроме стилистической (формы на *-миш* признавались «более разговорными»).